

Рецензируемая работа представляет собой сборник статей голландского индоевропеиста Фредерика Кортландта – одного из ведущих представителей лейденской школы индоевропеистики.

Сборник начинается разделом «Введение», далее идут разделы «Индоевропейская фонология», «Индоевропейский морфосинтаксис», «Греческий», «Индоиранский», «Тохарский», «Германская фонология», «Классы германского глагола», «Германская глагольная флексия», «Германская именная флексия», «Немецкий», «Английский», «Скандинавский», «Албанский», «Армянский», «Балтославянский», «Италокельтский», «Анатолийский», «Индоуральский» и «Приложение».

Разнообразие тематики и большое количество статей (всего их в книге 79) не позволяет рассмотреть в данной рецензии все затронутые в сборнике темы. Поэтому ниже мы рассмотрим только отдельные статьи, которые наиболее полно представляют взгляды автора.

В обобщающей статье «An outline of Proto-Indo-European» (с. 37–45) сжато охарактеризованы основные черты праиндоевропейского «по Кортландту». В праиндоевропейском было только две гласные фонемы: **e* [æ] и **o* [ɑ] с долгими аллофонами **ē* и **ō* в односложных словоформах и перед ауслаутными сонорными. Ларингальные **h₁*, **h₂* и **h₃* интерпретируются как [ʔ], [ʕ] и [ʕʷ] соответственно. Противопоставление между тремя ларингалами было нейтрализовано перед и после **o*. Восстанавливаются только два ряда гуттуральных: палатальные и лабиовелярные, противопоставление между которыми нейтрализуется после **u* и **s*. Кроме того, палатальные депалатализуются перед **r*, **s* и ларингалами. Глухие, звонкие и звонкие придыхательные смычные традиционной реконструкции интерпретируются соответственно как сильные, глоттализированные и слабые. Таким образом, в праиндоевропейском отсутствовало противопоставление по звонкости/глухости. Аналаутное **b* [pʰ] уже в праязыке перешло в **p* [p], ср. др.-инд. редуплицированный презенс *pībati* 'пьет'. Поскольку сильные (глухие) и слабые (звонкие придыхательные) согласные не могли сосуществовать в пределах одного корня, противопоставление по силе/слабости можно интерпретировать как просодическое свойство корня. Такая система, по мнению автора, могла возникнуть из более ранней системы с противопоставлением двух уровневых тонов: высокого и низкого.

Восстанавливаются четыре основных типа именных парадигм: статическая, протероди-

намическая, гистеродинамическая и тематическая. Общий предок анатолийских и остальных индоевропейских языков не имел генитива (его функции выполнял аблатив), датива и отдельных окончаний косвенных падежей во множественном числе.

Раннеиндоевропейский был эргативным языком, но эргатив на **-os* был переосмыслен как номинатив еще до отделения анатолийского. Многие из статей сборника содержат детальную аргументацию в пользу перечисленных здесь реконструктивных решений.

В статье «Proto-Indo-European glottalic stops: The comparative evidence» (с. 53–65) суммируются аргументы автора в пользу глоттальной теории. В то время как большинство доводов, выдвигаемых обычно сторонниками этой теории, апеллируют к типологии, Кортландт полагает, что реконструкция должна опираться не на типологические, а на собственно компаративистские данные. Кортландт приводит данные, подтверждающие глоттализированность праиндоевропейских «звонких», из балтославянских, армянского, индоиранских, латинского и германских языков. Наиболее убедительны доводы, связанные с законом Винтера в балтославянском и законом Лахмана в латинском. Кортландт показывает, что традиционная точка зрения, связывающая возникновение балтославянской акутовой интонации непосредственно с долготой гласных и сонантов, неверна. Долгие гласные неларингального происхождения имеют в балтославянском циркумфлекс (например, литов. *akmiō* 'камень' < и.-е. **h₂ekmō*)¹. Акут возникает на гласном или дифтонгическом сочетании в двух позициях: 1) перед выпавшим конечнослоговым ларингалом, 2) перед индоевропейскими «звонкими» смычными. Можно сказать, что индоевропейские «звонкие» в балтославянском ведут себя как кластеры вида «ларингал + смычный». Это приводит к предположению, что на определенном этапе праиндоевропейские «звонкие» могли отражаться в праславянском как звонкие преглоттализированные смычные. Аналогичный вывод может быть сделан для предистории латинского языка, где, согласно закону Лахмана, индоевропейские «звонкие» в позиции перед другим смычным вызывают продление предшествующего гласного (т.е. ведут себя так же, как сочетание «ларингал + смычный»). В пользу реконструкции индоевропейских «звонких» как преглоттализированных говорят и данные но-

¹ См. также в поддержку этой точки зрения [Dybo 2002: 443–444].

воиндийского языка синдхи, в котором древнеиндийским простым звонким (как унаследованным из индоевропейского, так и возникшим по закону Грассмана) соответствуют звонкие преглоттализированные. Данные других языковых групп, в частности армянского и германских языков, менее однозначны. В германском, по Кортландту, индоевропейские «звонкие» дали глухие преглоттализированные смычные. Отражению предполагаемой преглоттализации в различных германских языках посвящен ряд статей рецензируемого сборника.

Такая интерпретация традиционных «звонких» как звонких преглоттализированных противоречит одному из известных доводов в пользу глоттальной теории – редкости индоевропейской фонемы **b*. Нет типологических оснований предполагать, что среди звонких преглоттализированных (в отличие от глоттализированных глухих) лабиальный смычный должен встречаться реже дентального и велярных. Кортландт решает это противоречие, восстанавливая для праиндоевропейского глухие глоттализированные и постулируя их озвончение после отделения праанатолийского и пратохарского в общем праязыке всех остальных групп. Таким образом, глухость рефлексов индоевропейских «звонких» в армянском и германском должна быть признана вторичной, что существенно отличает глоттальную теорию в версии Кортландта от версии Гамкрелидзе и Иванова.

В статье «Proto-Indo-European verbal syntax» (с. 91–103) суммируются гипотезы автора в области индоевропейского морфосинтаксиса. Вкратце их можно изложить так.

В праиндоевропейском противопоставлялись статические и динамические глаголы, последние могли выступать в субъектном и в объектном спряжении. Статические глаголы были непереходными, глаголы в субъектном спряжении могли быть как переходными, так и непереходными, в объектном спряжении – только переходными. Кроме того, все глаголы могли иметь два вида – имперфектив и перфектив. Таким образом, индоевропейский глагол имел шесть основ, каждой из которых был свойствен отдельный набор окончаний. Имперфективные статические глаголы соответствуют в традиционной реконструкции медиальным глаголам, перфективные статические – перфекту. Все статические глаголы были непереходными. Глаголы субъектного спряжения соответствуют атематическим глаголам, объектного – тематическим (имперфектив – презенсу, а перфектив – аористу). Тематический гласный, по Кортландту, был объектным показателем. Праиндоевропейский был эргативным языком: подлежащее переходных глаголов стояло в эргативе, непереходных – в абсолютиве. Однако

падеж подлежащего имперфективных глаголов объектного спряжения (т. е. тематического презенса) зависел от его одушевленности: одушевленное подлежащее стояло в дативе, неодушевленное – в инструменталисе.

Восстановленную им для индоевропейского оппозицию объектного и субъектного спряжения Кортландт сравнивает с аналогичной оппозицией в уральских языках. Автор справедливо отмечает, что распространенная в уралистике гипотеза о независимом возникновении объектного спряжения в самодийском, обско-угорском, венгерском и мордовском неубедительна (см. об этом также [Хелимский 1982: 70–88; Janhunen 1982: 35]).

Реконструкция Ф. Кортландта вызывает ряд вопросов. Как отмечает сам автор, «Гипотеза, что в праиндоевропейском различались субъектное и объектное спряжение, не может быть доказана в строгом смысле слова». Однако, по мнению Кортландта, эта гипотеза помогает объяснить ряд фактов, прежде всего: 1) распределение тематической флексии в хеттском и 2) происхождение шестого класса древнеиндийского глагола (класса *tudāti*). Рассмотрим подробнее аргументы автора.

1) Как указывает Кортландт, индоевропейское тематическое спряжение отражено в хеттском в простых глаголах на *-ami*, производных глаголах на *-škami* и *-(j)ami*, каузативах и итеративах на *-ahhi* и деноминативах на *-ahhahhi*. Все простые тематические глаголы, кроме *papre* ‘unrein sein’, – переходные. Переходными также являются каузативы, итеративы, глаголы на *-ahh-* и унаследованные из индоевропейского глаголы на *-ske-*. Среди глаголов на *-je-* почти все неотыменные глаголы – переходные.

Следует отметить, что само существование простых тематических глаголов в хеттском не без оснований подвергается сомнению рядом исследователей [Lehrman 1998; Kloekhorst 2008: 129; Hoffner, Melchert 2008: 199]. Что касается хеттского суффикса *-ške-*, то это крайне непродуктивный показатель имперфектива, присоединяющийся как к переходным, так и к непереходным глаголам. Даже если, как это делает Кортландт, рассматривать только глаголы, унаследованные из праиндоевропейского, то и в этом случае легко отыскать контрпримеры: хет. *ar-aš-ke/a-* – имперфектив от глагола *ār-* ‘to come (to), to arrive (at)’ соответствует др.-инд. *ṛcchāti* ‘to go to, to go at, to attain’.

2) Кортландт указывает, что древнеиндийские глаголы шестого класса, как правило, сопровождаются подразумеваемым или выраженным определенным объектом. Вне зависимости от того, насколько корректно это утверждение, особенности глаголов шестого класса едва ли

могут быть релевантными для праиндоевропейской реконструкции, так как сам этот класс, по-видимому, является индоиранской инновацией [Sihler 1995: 494].

Не добавляют достоверности построениям Кортландта и существенные ошибки в анализе материала уральских языков. Так, окончание ненецкой формы 1 sg. объектного спряжения *madāu* 'я режу', восходящее к **-mā* [Mikola 1988: 253; Janhunen 1998: 470–471], не соответствует окончанию венгерской формы 1 sg. субъектного спряжения *várok* 'я жду', а *-d-*, входящее в состав окончания 1 sg. субъектного спряжения в ненецкой форме *madā-dm*, не является «инфигированным объектным местоимением» [Mikola 1988: 253–254]. Но самая грубая ошибка – то, что Кортландт последовательно называет формы самодийского субъектного спряжения «объектными», а объектного – «субъектными». Поскольку как в самодийском, так и в венгерском окончания объектного спряжения совпадают с посессивными окончаниями имен, Кортландт приходит к выводу, что в самодийских языках окончания субъектного и объектного спряжений «поменялись местами».

Больше всего сомнений, однако, вызывают не конкретные ошибочные утверждения автора, а его методология. Перед нами не столько реконструкция, основанная на данных дочерних языков, сколько «конструирование» праязыка: сначала выдвигается априорное предположение о том, что тематический гласный был показателем объекта, а затем в дочерних языках находятся отдельные факты, подкрепляющие это предположение.

Понятно, что таким способом невозможно не только исключить альтернативные гипотезы о происхождении и функциях тематического спряжения, но даже показать, что предлагаемая гипотеза предпочтительнее других. Для того, чтобы предположения о происхождении и первоначальных функциях какого-либо индоевропейского глагольного класса были обоснованными, необходимо прежде всего установить, какие именно глаголы входили в этот класс в праиндоевропейском. Этот этап, т.е. этап собственно реконструкции, в построениях Кортландта пропущен и заменен изолированными наблюдениями над фактами отдельных дочерних языков.

В статье «Eight Indo-Uralic verbs?» (с. 387–390) Кортландт критически рассматривает работу [Rédei 1986], в которой все лексические параллели между индоевропейским и уральским объясняются как результат заимствований в уральский из индоевропейского. Кортландт обращает внимание на то, что доля глаголов в предполагаемой контактной лексике необычайно высока для заимствований: 3 из 7

уральско-индоевропейских и 5 из 18 финно-угорско-индоевропейских параллелей, приведенных Редей, – глаголы. Кроме того, автор отмечает формальные трудности, возникающие при попытке вывести уральское слово **sene* (**sōne*) 'жила' из индоевропейского **sneH₁ur* 'id.', а уральское **wete* 'вода' из индоевропейского **uodr/*udn-* 'id.'. Кортландт предпочитает рассматривать восемь уральско-индоевропейских глагольных параллелей как наследие индо-уральского праязыка. Вот эти сопоставления: прауральск. **miye-* 'давать, продавать' – праи.-е. **mei-* 'менять', прауральск. **muške-* (**moške-*) 'мыть' – праи.-е. **mesg-* 'погружать, мыть', прауральск. **toye-* 'приносить, давать' – праи.-е. **deH₃-* 'давать', прафинно-угорск. **aja-* 'гнать' – праи.-е. **H₂eġ-* 'id.', прафинно-угорск. **kanz-* 'сыпать, бросать, копать' – праи.-е. **kH₂en-* 'копать', прафинно-угорск. **teke-* 'делать' – праи.-е. **d^heH₁-* 'класть', прафинно-угорск. **wetä-* 'вести' – праи.-е. **ued^h-* 'вести', прафинно-угорск. **wiye-* 'брать, нести' – праи.-е. **ueġ^h-* 'везти'.

Необходимо отметить, с одной стороны, что для глагола «копать» все же вероятнее контактная версия (он не возводится к праиндоевропейскому, будучи представлен только в индоиранских языках). С другой стороны, список надежных глагольных параллелей между уральским и индоевропейским приведенными этимологиями не исчерпывается – ср., например, такие сопоставления, как прауральск. **kupsa-* 'гасить' – праи.-е. **g^wes-* 'id.' [Иллич-Свитыч 1971: 311], прафинно-угорск. **küle-* 'слышать' – праи.-е. **kleu-* 'id.' [Иллич-Свитыч 1967: 366].

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемый сборник статей Ф. Кортландта будет интересен как индоевропеистам общего профиля, так и специалистам по отдельным группам индоевропейских языков. Отмеченные выше недостатки, прежде всего априорность многих реконструкций, не являются отличительной особенностью работ Кортландта, скорее, они свойственны современной индоевропеистике в целом. Многие из гипотез, выдвинутых в статьях, перепечатанных в настоящем сборнике, вошли в арсенал лейденской школы индоевропеистики (Р. Бекес, А. Лубоцкий, П. Схрейвер, А. Клухорст, М. де Ван, Г. Кронен), и знакомство с ними необходимо для лучшего понимания работ представителей этой школы. Работы Кортландта, как и лейденской школы в целом, далеки от «мейнстрима» современной индоевропеистики и отличаются постоянным поиском новых путей развития этой дисциплины, где, вопреки широко распространенному мнению, остается еще много нерешенных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иллич-Свитыч 1967 – *В.М. Иллич-Свитыч*.
Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидийский, картвельский, семито-хамитский) // *Этимология* 1965. М., 1967.
- Иллич-Свитыч 1971 – *В.М. Иллич-Свитыч*.
Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь (б – қ). М., 1971.
- Хелимский 1982 – *Е.А. Хелимский*. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982.
- Dybo 2002 – *V.A. Dybo*. Balto-Slavic accentology and Winter's law // *Studia linguarum*. 2002. V. 3. № 2.
- Hoffner, Melchert 2008 – *H.A. Hoffner, H.C. Melchert*. A grammar of the Hittite language. Pt. 1: Reference grammar. Winona Lake, 2008.
- Janhunen 1982 – *J. Janhunen*. On the structure of Proto-Uralic // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1982. Bd. 44.
- Janhunen 1998 – *J. Janhunen*. Samoyedic // *D. Abondolo (ed.)*. The Uralic languages. London; New York, 1998.
- Kloekhorst 2008 – *A. Kloekhorst*. Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.
- Lehrman 1998 – *A. Lehrman*. Indo-Hittite redux. Studies in Anatolian and Indo-European verb morphology. M., 1998.
- Mikola 1988 – *T. Mikola*. Geschichte der samojedischen Sprachen // *D. Sinor (ed.)*. The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Leiden, 1988.
- Rédei 1986 – *K. Rédei*. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986.
- Sihler 1995 – *A.L. Sihler*. New comparative grammar of Greek and Latin. New York; Oxford, 1995.

М.А. Живлов

Сведения об авторе:

Михаил Александрович Живлов
Российский государственный
гуманитарный университет
zhivlov@gmail.com